

Свящ. А. ИВАНЦОВ-ПЛАТОНОВ

**Несколько слов о богословских
сочинениях А. С. Хомякова**

(по поводу пражского их издания)

Среди обычного равнодушия к интересам богословских наук и слабости религиозного образования в большинстве наших светских образованных людей появляются иногда и в среде светского общества личности, обладающие такою искренностью отношений к религиозным вопросам, такою широтою религиозных воззрений, таким разнообразием богословских или церковно-исторических сведений, каких немного встречается и между людьми, призванными специально заниматься богословскими науками. Первое место в ряду таких мирян-богословов, редких и во всякие времена, и особенно замечательных в наше время, по справедливости принадлежит известному вождю нашей так называемой славянофильской литературной партии покойному Алексею Степановичу Хомякову. Он не так много оставил после себя богословских сочинений. Занятия богословскими исследованиями занимали лишь частное, хотя, можно сказать, и самое существенное место — среди многих других серьезных и разнообразных ученых занятий этого необыкновенно даровитого, деятельного и широко образованного ума. Богословские сочинения Хомякова не имеют, по-видимому, строгой научной формы; по крайней мере, в них нет тех обычных приемов богословской школы, какие мы привыкли встречать в большей части специальных богословских исследований. Сочинения Хомякова представляют собою как будто что-то отрывочное, незаконченное, недосказанное; многое в них только намечено, а не раскрыто вполне, и потому не совсем ясно, иное как будто и произвольно, односторонне, парадоксально. При всем том в богословских сочинениях Хомякова поистине столько света и теплоты, высо-

ты и глубины, столько христианского смысла и христианской любви, — столько цельности, внутренней стройности и последовательности, — столько самостоятельности, свободы, и вместе с тем столько глубокой верности и преданности учению Церкви, — идеал Церкви, характер церковной истории, основные начала православия, отношения его к другим христианским исповеданиям, характер западных исповеданий и западной богословской науки поняты и объяснены Хомяковым с такою глубиною и возвышенностью, — наконец, столько в сочинениях Хомякова рассеяно кратких, но необыкновенно метких, глубоких, дающих богатый материал для живой мысли, взглядов и замечаний по разным частным богословским и церковно-историческим вопросам, что сочинения эти по всей справедливости нужно признать достойным серьезного внимания явлением в нашей современной богословской литературе. Им несомненно придется иметь влияние на духовную литературу, на новых деятелей богословской науки, на развитие и укрепление религиозного сознания в обществе*.

Такие мыслители, как Хомяков, понимаются и оцениваются не скоро; их влияние проникает в общество постепенно; полная оценка и полное, так сказать, признание богословских трудов Хомякова принадлежит будущему. Тем не менее и теперь уже можно замечать некоторые плоды влияния Хомякова на развитие религиозной мысли между специалистами и неспециалистами наук богословских. Тому, кто понимает богословские сочинения Хомякова и сколько-нибудь внимательно следил за направлениями нашей духовной литературы в последнее время, нельзя было не заметить, что в духовных журналах очень нередко начинают высказываться воззрения, родственные тем воззрениям, какие развиваются в богословских исследованиях Хомякова. Между молодыми деятелями нашего духовного образования оказывается сочувствие к тому строю мысли и к тем приемам научного исследования, какими отличаются богословские сочинения Хомякова. Мы не то хотим сказать, чтобы наши молодые богословы намеренно старались подражать воз-

* Можно надеяться, что наш духовно-учебный комитет, рекомендующий в руководство наставникам богословских наук в духовных семинариях замечательные произведения западной богословской мысли, не будет оставлять без внимания в своих указаниях и таких замечательных произведений самостоятельной русской православной богословской мысли, каковы, например, сочинения Хомякова.

зрениям и приемам Хомякова, из уважения, так сказать, к его авторитету. Может быть, иные из них вовсе не признают за Хомяковым какого-либо авторитета; может быть, иные совсем не читали, или мало читали его сочинения; может быть, они доходят до этих воззрений и этих приемов сами собою — путем самостоятельного развития. Все равно, указанные факты свидетельствуют о том, что этим воззрениям и этим приемам принадлежит в настоящее время несомненное значение в духовной науке и литературе. На внутреннее развитие молодых питомцев богословской науки сочинения Хомякова, вместе с некоторыми статьями его глубокомысленного друга И. В. Киреевского, сколько мы знаем, имели влияние уже и тогда, когда ни одно из них еще не появлялось в русской печати, когда только некоторые из них отрывочно и случайно во французских брошюрах или в составленных накоротко рукописных переводах появлялись между студентами духовных академий. И влияние это, мы можем свидетельствовать об этом со всей искренностью, было самое благотворное. Среди того брожения идей, которое было так сильно в нашем молодом поколении преимущественно в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов и которое (нельзя об этом не вспомнить с прискорбием) некоторых даровитых воспитанников духовных академий и семинарий увлекло на путь отрицания, сочинения Киреевского и Хомякова других, также волнуемых мучительными вопросами и сомнениями и не знающих, где искать разрешения и примирения, удержали и укрепили на правом пути, указав им светлый идеал православия, неизмеримо более живой, высокий и широкий всяких других идеалов, представляемых различными религиозными, философскими и политическими учениями, прояснив им живое отношение между верою и наукой, верою и жизнью, показав им возможность живой самостоятельной мысли и широкой, полезной и увлекательной работы во сфере богословских и церковно-исторических исследований. Известно также, что и в среде светского общества А. С. Хомяков своими сочинениями и личным влиянием посеял много добрых семян живого религиозного развития, — иных спас от сомнения и отрицания и утвердил в истине православия, — в иных механическую и формальную преданность Церкви развил до сознательного и живого убеждения, — в иных пробудил интерес к богословским и церковно-историческим исследованиям, иных по крайней мере навел на серьезное отношение к вопросу религиозному. В нашей светской литературе есть одна школа, серьезнее других литературных партий и органов относящаяся к религиозным вопросам,

которая касается их не случайно, не набегами, так сказать, — по чужим следам и по внешнему возбуждению, а имеет к ним твердое, определенное, самостоятельное отношение, которая признает и исповедует православие великим просветительным началом и глубокою жизненною стихией, которая высказывает открытое благоговение пред идеалом Церкви и желает всякой свободы и живого развития церковной жизни (хотя, может быть, и не совсем верно объясняет иные факты ее действительного состояния), школа, из которой (большая редкость в светском обществе) выходят люди, не по обязанности конечно, а по свободному искреннему влечению самостоятельно и с пользою занимающиеся богословскими и церковно-историческими исследованиями, — школа, из которой, наконец, выходят люди, когда оказывается нужным, практически доказывающие свою преданность интересам Церкви. Эта школа состоит из близких друзей и учеников покойного Хомякова; некоторые из них открыто свидетельствуют, что в своем религиозном развитии они многим обязаны Хомякову, и доселе восторженно относятся к его памяти, буквально повторяют его фразы, развивают и применяют его взгляды, работают в намеченном им направлении. Можно жалеть о том, что в школе этой религиозные начала, заложенные ее основателями, мало подвинулись в дальнейшем развитии, что последователи школы обнимают учение ее основателей не во всей полноте и развиваются более отрицательные стороны этого учения, что иногда замечаются у них увлечения, которых, может быть, не одобрили бы основатели школы *. Тем не менее едва ли кто мог бы отрицать, что в школе этой сравнительно со всеми другими нашими литературными партиями поддерживается более серьезное и живое отношение к религиозным вопросам — к церковным интересам и что школа много обязана в этом влиянию Хомякова.

Странное, однако же, дело, — сочинения замечательнейшего православного русского богослова в продолжение многих лет остаются в русском обществе каким-то явлением чужеродным и

* Например, Хомяков не мог выражаться так, как выражаются иные из его последователей, — что *Православная Церковь* когда бы то ни было при самом крайнем стеснении и искажении ее внешней самостоятельности и деятельности, может стать *функцией государственной жизни*, или *полицейским учреждением*, — или что в *Православной Церкви* со времени вселенских соборов (или с другого какого времени) не было живого развития, — или, что православное богословие в продолжении нескольких веков жило только чужою — то католическою, то протестантскою мыслью, и т. п.

непризнанным, не имеют своего законного и определенного места в духовной литературе, остаются недоступными большинству любителей серьезного религиозного чтения. При жизни своей А. С. Хомяков не имел утешения ни одного из своих богословских рассуждений видеть напечатанным на русском языке.

Один из них, как, напр., опыт катехизического наложения учения о Церкви, первое во времени из известных богословских сочинений Хомякова, и составляющее как бы основу для всех прочих, также переводы посланий апостола Павла — до смерти Хомякова оставались неизвестными между многими другими исследованиями его, перешедшими к его наследникам в рукописи. Другие — три замечательнейшие брошюры Хомякова о западных вероисповеданиях — изданы за границею на французском языке в Париже и Лейпциге протестантскими издательствами Мерьюесом и Брокгаузом¹. Небольшие, но исполненные глубокого интереса, письма Хомякова к Пальмеру, к Аксаковым (может быть, есть подобные и к другим лицам) оставались неизвестными, — у тех, к кому они были писаны. Только очень немногие из богословских сочинений Хомякова — письмо о библейских трудах Бунзена, письмо по поводу речи иезуита князя Гагарина о значении слов «кафолический и соборный» — напечатаны в православном журнале, но и то издающемся за границей на французском языке, — в известном парижском издании «L'Union Chrétienne»². Почему ни одного из богословских сочинений Хомякова, при жизни его, не могло явиться в России, на русском языке, хоть, напр., в каком-нибудь из духовных журналов, или отдельною брошюрою? Много об этом можно было сказать небезынтересного... В настоящем случае довольно будет сказать: совсем не потому, чтобы распространение сочинений Хомякова на русском языке могло быть противно интересам православной церкви. Напротив, в интересах Православной Церкви нужно желать, чтобы таких сочинений, если бы было возможно, появлялось больше.

После смерти А. С. Хомякова друзья его взяли на себя обязанность издать полное собрание его сочинений. Богословские сочинения — по первоначально предположенному плану — должны были идти во главе издания, в первом томе. Предположение это, однако ж, на долгое время должно было остаться неисполненным. В 1861 году И. С. Аксаков издал один том сочинений Хомякова разнородного содержания, большую частью уже напечатанных прежде в русских журналах (в «Москвитянине» и «Русской беседе»)³. В том же году вышла отдельным изданием небольшая книжка стихотворений Хомякова. Затем

большая часть самых замечательных сочинений Хомякова, и между прочим его богословские рассуждения, должны были оставаться неизданными до настоящего времени.

«Православному обозрению» в первый раз удалось познакомить своих читателей с некоторыми из богословских сочинений Хомякова на русском языке. В 1863 и 1864 годах помещены в «Православном обозрении» переводы двух замечательнейших его брошюрок о западных вероисповеданиях⁴ и в первый раз напечатан по рукописи, сообщенной сыном покойного Д. А. Хомяковым, «опыт катехизического изложения учения о церкви»⁵. К сожалению, значение богословских сочинений Хомякова в то время могло быть понято еще немногими. Эти немногие с радостью встретили его статьи в «Православном обозрении». Для большинства они прошли мало замеченными и оцененными, наряду с другими журнальными статьями. О первом появлении богословских сочинений Хомякова в русской печати, равно как вообще о значении и особенностях богословских рассуждений Хомякова, не было в то время ни слова сказано ни в одном из духовных и светских изданий, даже наиболее сочувственных Хомякову.

В прошедшем году наконец Ю. Ф. Самариным издан давно ожиданный том богословских сочинений Хомякова в Праге⁶. В издании этом, кроме трех больших статей, помещенных в «Православном обозрении», в первый раз напечатаны на русском языке — перевод замечательной брошюры о западных исповеданиях, написанной в 1856 году, две статьи из журнала «L'Union Chrétienne», переводы посланий к Галатам и к Ефесиям, замечательные письма к английскому богослову Пальмеру, письма к К. С. и И. С. Аксаковым, к уtrechtскому епископу янсенисту Loosу, к Вильямсу, — заметки о подлинности Евангелия Матфея, на текст послания к Филиппийцам и др. мелкие заметки. Любители серьезного богословского чтения могут иметь удовольствие видеть наконец собрание богословских сочинений Хомякова на русском языке, или по крайней мере знать о существовании такого собрания. О богословских сочинениях Хомякова пошли более оживленные толки и в светском обществе, и в среде самого духовенства. Все это не может не радовать людей, давно привыкших почитать и ценить Хомякова. Нельзя, однако ж, не сказать, что к этой радости примешивается немалая доля и неприятного чувства.

Собрание сочинений глубокомысленного русского богослова, замечательнейшего из современных апологетов Русской Церкви, в первый раз издается... в Праге. Почему же в Праге, а не в

Москве или в Петербурге? Может быть, есть основания предполагать, что сочинения Хомякова более обратят на себя внимание, достойнее будут оценены в обществе, когда станутся появляться в русских книжных магазинах из Праги, а не из Москвы? Довольно вероятное предположение, — и между тем жалко думать, что в нашем обществе оценка серьезнейших богословских или философских исследований может зависеть от того, в какой типографии они напечатаны, где и кем изданы. Сочинениям Хомякова не таких ценителей нужно бы было желать. Можно с уверенностью сказать, что те, которые не способны были оценить значения сочинений Хомякова в Москве, едва ли будут способны сознательно отнести к ним и тогда, когда эти сочинения будут ими получены из Праги. Или издание сочинений Хомякова в Праге может послужить хорошую рекомендацию для нашей богословской науки в виду наших единоплеменников западных славян? Но конечно, нужно бы прежде всего желать, чтобы Хомякова поняли и оценили дома, в России, а потом уже, если угодно, и за границей. И нам кажется, что до тех пор, пока Хомяков не будет как следует понят и оценен в России, его едва ли могут понять и оценить за границей*.

* Г. Самарин в предисловии к изданию сочинений Хомякова говорит, что Хомякова гораздо лучше умели оценить за границей — ученые английские и немецкие богословы, нежели у нас в России. Было бы, однако ж, неправильно, если бы кто из русских почитателей Хомякова, на основании какого-нибудь частного и случайного заграничного отзыва стал воображать, что имя Хомякова, как замечательного богослова, славится за границей. Что между английскими и немецкими учеными могло найтись несколько личностей, умевших серьезно и сочувственно отнести к богословским трудам Хомякова, — это неудивительно, точно так же, как нашлось несколько таких личностей и между русскими образованными людьми. Но *вообще говоря*, Хомяков мало понят и едва ли надлежащим образом может быть оценен за границей — это понятно как по самому характеру сочинений Хомякова, так и по существующим отношениям западной богословской науки к нашей науке. И это, конечно, нисколько не уменьшает цены сочинений Хомякова. Значение богословских сочинений Хомякова, помимо всяких внешних свидетельств о нем, имеет твердые основания в них самих, и без всяких восторженных преувеличений и восхвалений, конечно, найдет себе место в науке... Но в настоящее время как еще мало западные ученые могут серьезно относиться к замечательным произведениям православной богословской мысли, об этом можно судить на примере того же Хомякова по характеристическим отзывам известного мюнхенского ученого Пихлера⁷, более других западных богословов знакомого с православною Восточною

Что же касается вообще до состояния нашей богословской науки, то уже самое издание сочинений Хомякова в Праге, а не в Москве, едва ли может служить хорошею рекомендацией для нее в глазах единоплеменников славян, или кого бы то ни было. Наконец, было бы очень странно и жалко предположить, что сочинения Хомякова напечатаны за границей по необходимости, — потому, что в России их не позволила бы напечатать духовная цензура. Не говоря уже о том, что сами по себе они не только не могут быть вредны, но напротив могут быть очень полезны для укрепления сознательных православных убеждений в обществе, странно было бы в настоящее время ожидать от духовной цензуры каких-либо стеснений по отношению к изданию отдельной книгой сочинений Хомякова после того, как три из них, самые важные и самые оригинальные, уже были напеч-

церковью и православною богословскою литературою. В своем известном сочинении (*Geschichte der kirchlichen Trennung*) он дает Хомякову место в ряду других замечательнейших апологетов Русской Церкви, занимавшихся вопросом о папстве (Murawijew, Wasilieff, Baranowsky, Tutscheff, Popowitski), и мало того, он приводит некоторые мысли из сочинений Хомякова под тремя названиями Chomjakoff, Kamikoff и Ignatus. Первое настоящее название Пихлер правильно списал у другого немца (Боденштадта), другое, очевидно, есть тоже название, слышанное и переиначенное Пихлером (Хомяков — Камиков), а третье — Ignatus — Пихлер видел под французскою брошюрою Хомякова. Ему представилось, что эти Chomjacoff, Kamikoff и Ignatus — три различные писателя, и он рассматривает их мысли, как мысли трех различных представителей русской богословской литературы. Как рассматривает, несколько похоже на то, как рассматривает он и многие факты русской истории и произведения русской богословской литературы, уверяя, напр., что в России царь может служить обедню (известный нелепый анекдот об императоре Павле I, объясненный и опровергнутый в записках Кутлубицкого, напечатанных в «Русском архиве»⁸), или что в катехизисе митрополита Филарета находится такое учение: самодержец есть эманация Бога, его наместник и его министр *der Selbstherr der ist eine Emanation Gottes, er ist sein Stellvertreter und sein Minister* (Pichler. Bd. II. S. 192). И это говорит ученейший и беспристрастнейший (как некоторые и у нас его называли) знаток православной Восточной церкви и восточной богословской литературы. Нет, поистине можно сказать, тогда только, может быть, немцы и англичане будут правильно понимать и ценить наших замечательных богословов и нашу Православную Церковь и всю ее историю, когда мы сами будем все свое правильно понимать и ценить по своим сознательно выясненным живым началам, а не по чужим или каким-либо отвлеченным образцам и формам.

читаны несколько лет назад в духовном журнале, с разрешения духовной цензуры, и сколько нам известно, с одобрения твердого и прозорливого хранителя чистоты православия, глубоко-мысленнейшего из русских богословов покойного высокопреосвященного митрополита московского Филарета. В остальных сочинениях Хомякова не иные какие-либо начала и воззрения развиваются, а те же самые и даже с теми же самыми приемами, как и в тех сочинениях, которые печатались в «Православном обозрении». Может быть, затруднения со стороны духовной цензуры могла бы встретить приложенная к сочинениям Хомякова статья Самарина? В таком случае, не лучше ли было бы эту статью издать отдельно, в Праге или где бы то ни было, а самые сочинения Хомякова в Москве? Для сочинений Хомякова было бы во всяком случае лучше, если бы на них не были распространены те недоразумения и предубеждения, которые возбуждаются в иных статью Самарина (справедливо или не справедливо, это вопрос особый).

Во всяком случае пражское издание Самарина не удовлетворяет потребности многих любителей серьезного религиозного чтения — иметь полное и доступное собрание богословских сочинений Хомякова. Пражское издание может быть доступно только немногим. Многие совершенно не знают, где его можно приобретать, и можно ли приобретать, и остаются в совершенном недоразумении относительно тех неясных толков, какие возбуждены где-то между специалистами и неспециалистами богословских наук пражским изданием Самарина и некоторыми газетными отзывами о нем. Эти толки и недоразумения, при неимении в доступной всем продаже сочинений Хомякова, также имеют очень неблагоприятное влияние на установление в обществе правильных отношений к сочинениям Хомякова... Нужно желать, чтобы за пражским изданием последовало скорее новое издание богословских сочинений Хомякова в Москве.

Если бы выраженное нами желание исполнилось, можно было бы пожелать в новом издании сочинений Хомякова и некоторых перемен сравнительно с пражским изданием. Прежде всего — все ли богословские сочинения Хомякова вошли в пражское издание? Есть основания предполагать, что не все. Например, в одном из писем к Пальмеру Хомяков упоминает о каком-то своем сочинении, имеющем темою историю вселенских соборов. Ни к одному из напечатанных сочинений Хомякова это упоминание, кажется, не может быть отнесено. Вероятно также, что, кроме напечатанных писем Хомякова к Пальмеру и к Аксаковым, есть на руках у людей, бывших близкими с Хо-

мяковым, еще и другие его письма с рассуждениями о богословских вопросах. Если эти письма имеют такой же интерес, как, например, письма к Пальмеру, жалко было бы, если бы они оставались ненапечатанными. Может быть, таким образом новое издание богословских сочинений Хомякова могло бы быть более полным, чем пражское издание. При этом считаем нелишним обратить внимание на некоторые замечания, случайно слышанные нами по поводу пражского издания: отчего в это издание не вошли такие рассуждения Хомякова, как, например, по поводу статьи Киреевского о характере просвещения Европы, по поводу отрывков, найденных в бумагах Киреевского, о картине Иванова⁹, и подобные. Правда, эти статьи писаны не прямо на специальную богословскую тему, и уже напечатаны в томе разных сочинений Хомякова, изданном И. С. Аксаковым. Тем не менее в них столько серьезного богословского содержания, сколько не найдешь во многих статьях, писанных специально на богословские темы, и их было бы естественно видеть наряду с другими богословскими сочинениями Хомякова. Точно так же философские сочинения Хомякова (как, например, его письма к Самарину о материализме, статья, озаглавленная «По поводу Гумбольдта»), по живой связи философских воззрений Хомякова с богословскими, может быть, было бы удобнее поместить в одном издании с богословскими сочинениями.

Далее, — и это, по нашему мнению, особенно важно, — сочинения Хомякова нужно было бы издавать с комментариями. Цель издания, конечно, не может быть иная, как та, чтобы содействовать распространению воззрений Хомякова в обществе. Но эти воззрения, по самому внутреннему характеру и внешним приемам выражения их, как мы уже заметили, такого рода, что сами собою очень медленно и с большим трудом могут проникать в общественное сознание. Большинство людей, которые сами мало занимались вопросами, раскрываемыми в сочинениях Хомякова, и не испытывали того внутреннего процесса, в котором сложились и окрепли его мысли, их не поймет и не оценит. Поэтому таким писателям, как Хомяков или И. В. Киреевский, необходимо иметь толкователей-популяризаторов, которые, сами хорошо понимая их мысли и самое дело, которого они касаются, были бы в то же время, по собственному строю мысли и способу выражений, ближе к понятиям современного большинства. Стой мысли Хомякова слишком глубок и оригинален; способ выражений его большею частью слишком сжат и нередко отрывочен; самое направление мысли, которое прохо-

дит по всем сочинениям Хомякова, для многих очень неясно. Большинство читателей само, так сказать, неспособно входить в понимание такого строя и направления мыслей; их нужно вводить в него. Многие мысли у Хомякова высказываются в виде общих положений, или кратких афоризмов без всякого раскрытия; на многие воззрения и факты у него делаются намеки, понятные таким людям, которые сами много работали над тем, о чем говорит Хомяков. Необходимо развивать и выяснить эти положения и намеки для того, чтобы сколько-нибудь показать то богатство содержания, которое под ними заключается. Может быть, немало найдется у Хомякова и мыслей спорных, парадоксальных, односторонних, — или таких, которые сами по себе верны, но могут быть односторонне поняты, неправильно перетолкованы, или из которых могут быть сделаны неверные выводы и применения. Необходимо делать к таким мыслям примечания, оговорки, ограничения, пояснения, дабы не было относительно сочинений Хомякова ошибочных недоразумений, перетолкований, несправедливых суждений. Наконец, все сочинения Хомякова находятся между собою в тесной связи. В них проходит одно живое, цельное, стройное, строго выработанное воззрение, — так что в одном сочинении раскрывается преимущественно такая сторона этого воззрения, а в других другая. Необходимо иногда, чтобы правильно понять и оценить одно сочинение, делать справки в других. Небесполезно также было бы иногда воззрения Хомякова сопоставить с воззрениями других православных мыслителей, дабы не казалось кому-либо, что у Хомякова проводятся какие-то особенные взгляды и начала, а не те же самые, какие и у других православных писателей, только во многом глубже сознанные, цельные и последовательнее проведенные. При таких условиях, нам кажется, богатство умственного содержания, которое заключается в сочинениях Хомякова, может скорее и легче перейти в общественное сознание и содействовать его развитию, возвышению, прояснению, углублению, укреплению. Тому, кто взялся бы быть истолкователем и популяризатором мыслей Хомякова, по нашему мнению, мог бы предстоять труд не мелкий и не безынтересный; и ему нечего было бы смущаться выступать перед читающим обществом в качестве истолкователя чужих мыслей, как не смущался сам Хомяков быть истолкователем мыслей Киреевского. Здесь требовалось бы не то, чтобы во всем, так сказать, следовать за своим избранным автором, безусловно восхищаться всеми его мыслями, буквально повторять фразы из его сочинений или механически подражать его внешним приемам.

Здесь нужно бы было, напротив, полное самостоятельное отношение к комментируемому автору. По поводу сочинений Хомякова, самостоятельному мыслителю-богослову можно бы от себя высказать столько полезных замечаний, сколько с большим трудом может быть выяснено в целых специальных богословских исследованиях. Разумеется, для этого комментатору Хомякова нужно прежде всего самому живо интересоваться теми вопросами, над которыми работала мысль Хомякова, иметь серьезное богословское образование и быть способным, — если не самому возвышаться до той высоты и широты воззрений, на которых держалась мысль Хомякова, то по крайней мере уметь понять ее.

Желательно было бы также, чтобы при издании богословских сочинений Хомякова в особенной статье по возможности выяснен был бы с биографическими показаниями самый процесс его внутреннего развития, каким образом и под какими влияниями мысль его в такой степени была возбуждена к религиозным вопросам, — каким образом и под какими руководствами он мог получить такое замечательное (особенно для человека светского) богословское образование, — каким образом и с какими постепенностями развился и окреп в нем тот самостоятельный строй мысли, который составляет отличительную особенность хомяковских сочинений, — у кого он учился, что он по преимуществу любил читать, с кем особенно бывал близок, что на него особенно действовало и т. д. Все это не только было бы очень интересно, но и очень поучительно. Тому, кто взял бы на себя труд составить биографию Хомякова, пришлось бы, кажется, коснуться всех важнейших вопросов современной науки и жизни, и он внес бы дорогой вклад в историю нашего общественного развития. Может быть, в настоящее время еще нельзя ожидать полной биографии Хомякова, по крайней мере, желательно было бы иметь материалы для нее, чтобы сколько-нибудь уяснить, — каким образом в нашем обществе тридцатых и сороковых годов могла образоваться такая замечательная и своеобразная личность. В настоящее время есть еще много в живых людей, бывших близкими к Хомякову, считающих себя его друзьями, товарищами, единомышленниками, последователями, учениками. На них, по нашему мнению, лежит обязанность поделиться с другими тем, что они знают о Хомякове, сохранить и выяснить для других поколений, для людей, не знавших лично Хомякова, образ такой замечательной личности. От этого многое будет зависеть не только выяснение значения Хомякова в истории нашего общественного развития, но и

признание того направления, которому служил Хомяков и которому продолжают служить его друзья. Без этого для людей, не принадлежавших непосредственно к тому кружку, в которых выработалось это направление, в его образовании, а вместе с тем и в самой, так сказать, законности его появления в обществе, представляется много неясного. Например, один из самых первых вопросов по отношению к развитию философско-религиозной мысли в этом направлении, — известно, что некоторые из самых основных мыслей, развившихся в этом направлении и составляющих его особенность (например, мысли о различии просветительных начал восточного и западного христианства, о коренном и существеннейшем отличии католичества и протестантизма от православия, о живых отношениях между сознанием, верою и жизнью — по началу православия), были в первый раз заявлены и развиты в нашей литературе не Хомяковым, а И. В. Киреевским в известной его статье «О характере просвещения Европы и России» и потом в статье «О новых началах для философии». Сам Хомяков, как известно, отзывался о Киреевском с величайшим уважением, как о глубокомысленном мыслителе, заявившем новые начала для русской мысли, и, как мы уже заметили, не считал себе не в честь быть истолкователем мыслей Киреевского. Между тем из замечаний Хомякова на статью Киреевского «О характере просвещения Европы», и из некоторых других сочинений Хомякова, напечатанных уже после его смерти (например, из писем к Пальмеру), только что теперь сделавшихся известными, видно, что новые начала, высказанные Киреевским в 1852 году, были не новы для Хомякова, что Хомяков уже и тогда многое в этом направлении мысли мог бы высказать, даже, кажется, тверже и шире, нежели высказано в статьях Киреевского. Для людей, не знавших лично ни Хомякова, ни Киреевского, ни их взаимных отношений между собою, остается вопросом, кто из них более имел влияния на другого, или их мысли были плодом взаимной работы, как возникла и какими путями шла эта работа, и кому принадлежало какое значение в ней. Разъяснение подобных вопросов, не уменьшая, конечно, силы и заслуги Хомякова и Киреевского, напротив, представляя в возможно полном свете их мыслительную деятельность, могло бы иметь значение для истории развития русской мысли вообще. Биографические сведения о таких личностях, как Хомяков и Киреевский, касающиеся не столько внешних подробностей их жизни, сколько самого процесса развития их мысли, в настоящее время могли бы быть интересны и поучительны не для тех только, кто знал их лично

и считает себя непосредственно принадлежащим к направлению, проложенному ими. Их замечательные личности в настоящее время могут иметь значение уже не для одних людей кружка, а для всех сознательно интересующихся ходом развития русской мысли. Тем более должно быть интересно людям, которые были лично близки к ним и считают себя их последователями и единомышленниками, разъяснить перед обществом, как постепенно слагалось то направление, в котором Хомяков, Киреевские, К. С. Аксаков были первыми и замечательнейшими провозвестниками. Немало биографических сведений о Хомякове и Киреевском находится в «материалах для биографии Киреевского», приложенных к сочинениям его, изданных Кошелевым¹⁰, и в речах, произнесенных в память о Хомякове в обществе любителей русской словесности, напечатанных в «Русской беседе» 1860 года¹¹. Но эти сведения больше касаются внешних событий их жизни и мало выясняют внутренний процесс их мысли.

Желательно бы также, чтобы при издании богословских сочинений Хомякова была приложена обстоятельная руководящая статья, в которой бы выяснены были особенности богословских воззрений и приемов Хомякова, и определено было его значение в ряду других замечательных представителей русской богословской мысли (каковых несомненно имеет история русского духовного просвещения и в прежние, и последние века, и между которыми с особым уважением нужно, конечно, упомянуть о покойном высокопреосвященном митрополите Филарете Московском). Такая объяснительная статья есть при пражском издании сочинений Хомякова. Она написана одним из даровитейших последователей и горячих почитателей Хомякова Ю. Ф. Самарином, и написана, конечно, умно и одушевленно. Тем не менее, однако ж, этою статью едва ли можно удовлетвориться. В ней немало возбуждается недоразумений относительно богословской деятельности Хомякова. Г. Самарин как будто старался о том, чтобы не столько определить значение Хомякова в ряду других деятелей русской богословской науки, сколько выделить его из этого ряда, представить его положение совершенно одиночным, изолированным как в общественной жизни, так и в самой науке. Такой прием по отношению к оценке личности Хомякова нам кажется не совсем правильным: Хомяков, по нашему мнению, не тем замечателен и силен, что он представляет собою явление исключительное — изолированное, а тем именно, что в нем глубже и цельнее, чем в других, людях его времени и общества, отложилось то, что заложено в глубо-

чайших основах православия, принятого русскою жизнью. Сочинения Хомякова потому и обращают на себя особенное внимание, что они представляют наиболее полное выражение широкой православной русской мысли, обогащенной результатами современного научного знания, и приведшей эти результаты к одним общим началам, — началам не произвольно измышленным, а искони составляющим коренное убеждение православного русского человека. Высшую похвалу для Хомякова может составлять то, что он, по справедливому выражению Самарина, сознательно жил в Церкви, — нужно прибавить — не в какой-либо особой своей самоизмышленной Церкви, состоящей, положим, из людей, принадлежащих к одному с Хомяковым общественному и литературному кружку, — а к настоящей единой Православной Церкви, которой Хомяков поистине был предан душою, мыслью и крепостию своею и вне которой он не признавал возможности существования другой какой-либо Церкви (одно из самых основных убеждений Хомякова, раскрываемое во всех его богословских сочинениях). Хомяков жил своею душой и мыслью в той самой Церкви, к которой принадлежат несчислимые миллионы простых и образованных, знатных и неизвестных, духовных и мирян, которые с различною степенью сознательности, верности и преданности ее началам, но все-таки живут в ней и пользуются ее духовными благами (а не числятся только в Церкви, как довольно жестко выражается г. Самарин), — в той самой Церкви, в которой и наша богословская школа (на которую так нападает г. Самарин), составляет все-таки явление не чужеродное, а свое жизненное, хотя, может быть, и недостаточно выражающее характер и полноту церковной жизни, и во внешних проявлениях своих представляющее иногда некоторые аналогии с явлениями жизни чуждой. Вообще в статье Самарина, при всей ее прямоте и остроумии, при всей меткости многих ей замечаний о религиозно-нравственном состоянии нашего общества и характере нашей богословской науки, мы не находим ни вполне удачного объяснения значения богословской деятельности Хомякова, ни беспристрастной оценки нашей научно-богословской деятельности вообще. Слишком горячее и неспокойное отношение к делу (в котором, впрочем, нельзя отнести без уважения к восторженной ревности благодарного ученика о славе замечательного, но мало оцененного другими учителя), одностороннее возвеличение личности — даже помимо условий, влиявших на ее развитие, иронический тон в рассуждении о серьезнейших богословских вопросах, резкие вызывающие парадоксы предисловия, — в

связи с изданием за границей, — сколько нам известно, производят на многих неблагоприятное для пражского издания сочинений Хомякова впечатление. И об этом поистине нельзя не пожалеть. Такими же достоинствами и такими же недостатками, как статья Самарина, отличается и передовая статья по поводу пражского издания сочинений Хомякова, помещенная в последнем номере газеты «Москва» (прекратившейся, к искреннему сожалению людей, даже и не разделяющих вполне ее воззрений)¹². Была еще давно уже сделана серьезная попытка определить и характер и значение богословской деятельности Хомякова в замечательной речи Гилярова, в ряду других речей, произнесенных в память о Хомякове в обществе любителей русской словесности, и напечатанной в «Русской беседе» 1860 года¹³. Но там вопрос о богословских воззрениях Хомякова затронут только с самых общих сторон. Притом все это отзывы людей, слишком близко стоявших к Хомякову, и по тому самому не совсем ясные и убедительные для других. Из писателей, не причисляющихся непосредственно к так называемой славянофильской литературной партии, наиболее полная и беспристрастная оценка литературной деятельности главных представителей славянофильства принадлежит, кажется, г. Бестужеву-Рюмину, напечатавшему в «Отечественных записках» в начале шестидесятых годов две или три статьи о Киреевском, Хомякове и Константине Аксакове¹⁴. Но и в этих статьях вопрос о религиозно-философской стороне славянофильского воззрения, сколько мы помним, выяснен мало, а главным образом говорится о значении деятельности помянутых трех писателей для русской истории. Затем большей части других светских журналов и газет, конечно, мало дела до богословских сочинений Хомякова, как и вообще до всего нашего богословия и всех его интересов. В духовных же журналах совсем не было говорено ничего серьезного о Хомякове. Таким образом, значение богословской деятельности Хомякова остается совсем почти не определено, — и в суждениях о ней нередко приходится слышать самые крайние и противоположные мнения. Одни, например, считают Хомякова таким богословом, подобных которому нет, да и несколько веков уже не было в православном мире, а другие недоумевают, еще можно ли признать за сочинениями Хомякова хоть какое-нибудь богословское значение, и вероятно, поусомнились бы признать их достойными степени магистра или кандидата богословских наук, если бы Хомякову вздумалось искать таковой. При таком положении дела, тому, кто взялся бы вопрос о значении богословской деятельности Хомякова поставить на твер-

дую почву, нужно было бы держаться с большою осторожностью между крайними мнениями, и постепенно идти в уяснении вопроса от самых, так сказать, общих элементарных основ — от таких положений, в которых могли бы сойтись мнения самые крайние и противоречащие. Такое дело, по нашему мнению, при всей его трудности, могло бы быть и очень интересным, и поучительным. В нашем обществе еще не бесполезно бывает иногда возвращаться к самым общим азбучным истинам, и по ним делать проверку Бог весть когда накопившимся и механически удерживаемым мнениям и предубеждениям.

Наконец, можно было бы пожелать, чтобы при новом издании богословских сочинений Хомякова вновь пересмотрены были переводы тех из них, которые писаны первоначально не на русском языке. Переводы эти, как кажется, не везде ясны и точны, не везде достаточно выдержаны в них сила и точность, свойственная богословской терминологии, равно как и особенности собственно, так сказать, хомяковских приемов выражения. Мы отнюдь не думаем поставлять это в упрек переводчикам Хомякова. Хомякова переводить очень нелегко: и труд переводчиков над ним был труд серьезный. Но по особенному уважению к этому делу мы желали бы для него возможно совершенного исполнения. Между прочим, нам кажется не совсем правильным прием переводчиком представлять наиболее резкими те места из полемических брошюр Хомякова, которые имеют иронический характер. Изложение учения о Церкви, написанное самим Хомяковым на русском языке, значительно отличается по своему тону от переводов других его сочинений, сделанных другими.

Вот замечания, которые мы сочли нeliшним высказать относительно богословских сочинений Хомякова, при пересмотре их пражского издания. Мы высказали их, конечно, не с той целью, чтобы бросить какую-либо невыгодную тень на это издание. Г. Самарина во всяком случае нельзя не поблагодарить за то, что он дал возможность хотя бы некоторым иметь собрание богословских сочинений на русском языке. Но мы остаемся в той надежде, что за пражским изданием сочинений Хомякова для некоторых последует новое издание их в Москве для всех. При этом новом издании, может быть, и какие-нибудь наши замечания будут приняты во внимание.

Скоро ли последует это новое издание, или издателям и обществу нужно будет еще много времени на то, чтобы быть готовым к нему, — во всяком случае, «Православное обозрение», как прежде, с полным сочувствием и уважением к богословской

деятельности Хомякова, готово было содействовать распространению его воззрений в обществе, так и в настоящее время, пользуясь некоторым возбуждением общественного внимания к этому делу, готово еще послужить ему. Мы имеем удовольствие сообщить читателям «Православного обозрения», что от наследников покойного А. С. Хомякова нами получено согласие напечатать еще некоторые из его сочинений в этом журнале. В следующих книжках «Православного обозрения» мы предполагаем поместить письма Хомякова к Пальмеру, которые, независимо от их общего богословского интереса, в настоящее время могут иметь еще и особенное значение, в виду возбуждающегося в Англиканской церкви движения в пользу православия. К письмам этим в виде опыта мы намерены составить несколько пояснительных примечаний. А затем мы надеемся когда-нибудь подробнее поговорить с своими читателями о значении и особенностях богословских сочинений Хомякова.

